

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ ОЛЬГИ МИХАЙЛОВНЫ МЕДУШЕВСКОЙ ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Поставлены ключевые вопросы освоения творческого наследия О.М. Медушевской (1922–2007), ее концепции когнитивной истории: о специфике русской версии неокантианства как основании источниковедческой концепции методологии исторического / гуманитарного познания, об интеллектуальных источниках концепции О.М. Медушевской, о проблеме субъекта в концепции когнитивной истории.

Ключевые слова: *О.М. Медушевская, А.С. Лаппо-Данилевский, русская версия неокантианства, когнитивная история, источниковедение, эмпирическая реальность исторического мира.*

Концепция когнитивной истории О.М. Медушевской, последовательно разрабатывавшаяся ею на протяжении всей ее творческой жизни, и особенно с начала 1990-х гг.¹, получила концептуальное оформление в ее последней книге и ряде статей². Концепция вызрела медленно и буквально в последний год жизни Ольги Михайловны произошел эпистемологический прорыв, ставший отчасти неожиданным даже для ее ближайших коллег, с которыми она часто обсуждала различные теоретические вопросы и методологическую составляющую разнообразных, но в первую очередь – источниковедческих, исследовательских практик.

Так получилось, что книгу «Теория и методология когнитивной истории», в которой концепция изложена целостно и развернуто, мы получили в завершеном виде³ уже после ухода автора. Не люблю образных выражений в научном тексте, но здесь – для точности выражения мысли – скажу: Ольга Михайловна оставила нам ряд эпистемологических загадок – эпистемологических проблем, ответы на которые мы уже были лишены возможности с ней обсудить.

Сразу же подчеркну: в данном случае я не преследую цель сформулировать вопросы для целостного и системного изучения концепции. Я формулирую сейчас только те вопросы, которые меня интересуют в

---

¹ См.: Казаков, Румянцова. 2011.

² Медушевская, 2008 (в); См. также: Медушевская. 2008 (а); 2008(б); 2008 (г).

³ Не могу здесь не отметить, что окончательная редактура текста шла уже без Ольги Михайловны, что, на мой взгляд, негативно сказалось на его качестве. Смысл этого замечания в том, чтобы внимательный читатель, который не может не заметить некоторые огрехи, отнесся к ним с пониманием.

первую очередь. Однако, на мой взгляд, без ответа на них невозможно и целостное, системное, в контексте современного науковедения, изучение концепции когнитивной истории.

Первый вопрос. Всем, кто знаком с научным творчеством Медушевской, и особенно тем из нас, кто часто слышал ее устные выступления (особенно на заседаниях Ученого совета РГГУ), хорошо известно, что Ольга Михайловна постоянно апеллировала к концепции А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919), которому приходилась «научной внучкой»: ее непосредственный учитель Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) был учеником Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. В книге «Теория и методология когнитивной истории», характеризуя современную (2007 год) ситуацию в историческом познании, Ольга Михайловна пишет: «Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм...» И далее: «По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм. Одна из них, неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключая перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания в ценностном выборе историка как познающего субъекта. Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания...»⁴. Первая парадигма очевидным образом восходит к неокантианству Баденской школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), а вторую Медушевская возводит к неокантианству же (!?), но уже в интерпретации А.С. Лаппо-Данилевского. Каков же интеллектуальный путь неокантианства на протяжении XX в., пришедшего в концепции О.М. Медушевской в оппозицию к своей основе – идиографичности исторического знания?⁵

Второй вопрос связан с особенностями самого процесса научного творчества Ольги Михайловны Медушевской. При знакомстве с книгой «Теория и методология когнитивной истории» бросается в глаза минимальное количество ссылок на задействованную в построении концепции литературу. Ольга Михайловна хорошо знала самые разнообразные исследования по философии, гуманитарным и социальным наукам и

---

⁴ Медушевская. 2008 (в). С. 15-16.

⁵ Здесь я не останавливаюсь на некоторых своих расхождениях с О.М. Медушевской в оценке актуальной ситуации в историческом знании. Они отмечены в ряде моих публикаций, в частности: Румянцева. 2009.

имела свое мнение об изложенных в ней взглядах и теориях. Но в своих статьях (а особенно – в лекциях и докладах) О.М. Медушевская предпочитала не вступать в непосредственную полемику с конкретными авторами, формируя обычно обобщенный образ оппонента, и, тем более, редко привлекала чужие размышления в качестве опоры для своей мысли. Ее работы (и особенно – устные выступления) всегда производили впечатление непосредственно рождающейся мысли, а интеллектуальный background – весьма обширный – оставался скрыт. Отсюда – одна из сложных проблем освоения концепции О.М. Медушевской – экспликация ее интеллектуальных оснований.

Третий вопрос во многом инициирован размещенным на сайте в рамках «круглого стола» материалом Н.А. Миникова «“История историка” в концепции когнитивной истории О.М. Медушевской»⁶. Ольга Михайловна не могла не понимать роль историка как познающего субъекта в неклассической (напр., неокантианство) и иных моделях науки. Однако в концепции когнитивной истории детально разрабатывается проблема объекта исторического познания, в результате чего Ольга Михайловна пришла к обоснованию понятия *эмпирическая реальность исторического мира*, которое, по-видимому, окажется в эпицентре обсуждения концепции, а вот размышления о субъекте в трудах Ольги Михайловны носят латентный характер, и нужны специальные усилия при изучении ее концепции, чтобы их эксплицировать.

Приступим же к поиску ответов, исходя из основополагающего принципа источниковедения – автор «объективирует себя в созданном им интеллектуальном продукте». И не забывая о том, что включение интеллектуального продукта – исторического источника в социокультурный контекст может позволить исследователю понять автора глубже, чем он сам себя понимал.

Свои варианты ответов на поставленные вопросы – сугубо предварительные – я и выношу на обсуждение. При этом предлагаю сосредоточить внимание на втором вопросе – вопросе фактически о творческой лаборатории историка, поскольку именно эта тема, на мой взгляд, представляет несомненный интерес не только с точки зрения изучения творческого наследия О.М. Медушевской, но и в связи с актуальными проблемами интеллектуальной истории и разработки метода источниковедения историографии.

---

⁶ Миников. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_mininkov/15-1-0-113 (дата обращения: 04.03.2013). Статья Н.А. Миникова, основанная на тезисах доклада на круглом столе, публикуется ниже.

Первый вопрос. Русская версия неокантианства как основание источниковедческой концепции методологии исторического / гуманитарного познания

В поисках ответа на выше поставленный вопрос о траектории движения научной мысли О.М. Медушевской от аксиологически ориентированной идиографии неокантианства к концепции истории как строгой науки необходимо вернуться в исходную точку – момент становления неокантианской методологии истории. Уже здесь обнаруживается принципиальное расхождение Баденской школы неокантианства и его русской версии. И если принять на уровне аксиоматики (а выясняется это при изучении интеллектуального background концепции О.М. Медушевской), что исследовательница отправлялась именно от русской версии неокантианства, то все противоречия сразу приобретают характер мнимых.

Позволю себе не останавливаться подробно на особенностях русской версии неокантианства, поскольку она является предметом моего специального интереса и есть возможность отослать заинтересованного читателя к соответствующим публикациям⁷. Кроме того, в январе – апреле 2013 г. кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ и Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение.ru был проведен круглый стол «Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков», посвященный 150-летию со дня рождения ученого, где эта проблематика была представлена⁸. Отмечу лишь один принципиально важный для понимания концепции О.М. Медушевской момент.

Неокантианскую эпистемологию исторического познания в России традиционно и вполне справедливо связывают с именем А.С. Лаппо-Данилевского, изучению и – не побоюсь этого слова, мало уместного в научном тексте, – пропаганде методологической концепции которого О.М. Медушевская посвятила значительную часть своих творческих усилий. Но, справедливости ради, заметим, что философские основы этого подхода были заложены еще А.И. Введенским (1856–1925), который, специально изучая вопрос о «пределах и признаках одушевления», пришел к выводу, что «душевная жизнь не имеет никаких объективных признаков...», «... наблюдать саму чужую душевную жизнь мы не можем, а должны лишь заключать об ней по ее внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям...»⁹ Именно эта идея впоследствии была

---

⁷ См.: Румянцева. 2012.

⁸ Идеи А.С. Лаппо-Данилевского...

⁹ Введенский. 1892. С. 7.

развита А.С. Лаппо-Данилевским в целостное учение об исторических источниках, понимаемых как «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»¹⁰.

Напомним, что признанный классик Баденской школы неокантианства Г. Риккерт осознанно уходил от определения объекта исторического познания и видел направление поиска специфики истории как науки в выявлении особой, идиографической, логики исторического исследования: «...логика истории является исходным пунктом и основой всех философско-исторических рассуждений вообще»¹¹.

Итак, системообразующее значение в русской версии неокантианства имеет учение об объекте гуманитарного познания – произведении человека, которое позволяет изучать его с точки зрения принципа «признания чужой одушевленности»¹². Соответственно основу методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского составляет источниковедение – учение об историческом источнике. И еще раз со всей определенностью подчеркну, что часто встречающееся определение концепции А.С. Лаппо-Данилевского как теории источниковедения крайне некорректно. Это именно методология истории, и шире – оригинальная концепция эпистемологии гуманитарного познания, имеющая сильную философско-антропологическую составляющую, но логика ее построения заставила автора в качестве основы утвердить методологию источниковедения.

Конечно, при безусловном господстве «материалистической» «марксистско-ленинской» концепции исторического процесса и исторического познания в условиях советской идеологизации возможности для развития направления, восходящего к «идеалистической» «буржуазной» концепции А.С. Лаппо-Данилевского, были весьма ограничены. Но акцент на исторический источник позволил развивать это направление в рамках источниковедения – одной из основ подготовки историков-архивистов в созданном в 1930 г. Историко-архивном институте, который О.М. Медушевская окончила в 1944 г. и работала на кафедре вспомогательных исторических дисциплин (с 1994 г. – источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин) до последнего дня своей жизни.

Именно источниковедческую составляющую русской версии неокантианства развивала Медушевская и в целом Научно-педагогическая школа источниковедения, в своих концептуальных основах восходящая к наследию Лаппо-Данилевского, сложившаяся и с 1939 по 2011 г. существ-

---

¹⁰ Лаппо-Данилевский. 2010. Т. 2. С. 38.

¹¹ Риккерт. 1998. С. 155.

¹² См.: Румянцева. 2007.

вовавшая на основе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 г. – в составе РГГУ) и в настоящее время консолидированная на основе сайта Источниковедение.ру.

На протяжении нескольких десятилетий – периода, маркируемого выходом учебников по источниковедению, подготовленных кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин¹³, – НПШ источниковедения занималась, по преимуществу, разработкой видовой структуры корпуса исторических источников, то есть двигалась по намеченному Лаппо-Данилевским пути выявления специфики объекта исторического познания. Теперь объект не сводился к историческому источнику, а понимался как система исторических источников, видовая структура которой целостно и репрезентативно представляет структуру соответствующей культуры. Логическим завершением существенного этапа развития этой эпистемологической линии стала разработка Медушевской понятия *эмпирическая реальность исторического мира* как базового понятия концепции когнитивной истории, дающего надежное эмпирическое основание истории как строгой науки и вводящего ее в общую систему научного знания.

Второй вопрос. Интеллектуальные источники концепции когнитивной истории

Как уже отмечалось, решение этого вопроса представляет существенные сложности, в первую очередь, в силу особенностей научного стиля О.М. Медушевской. Но пойдем сначала по традиционному пути: посмотрим ссылки на литературу в книге «Теория и методология когнитивной истории». Мы обнаруживаем, например, в первой главе «Феномен человека»¹⁴, весьма пеструю, но не широкую интеллектуальную картину: Дильтей В. «Описательная психология» (СПб., 1996), Найссер У. (Познание и реальность» (М., 1981), Плеснер Х. «Ступени органического в человеке: Введение в философскую антропологию» (М., 2004), Рубинштейн С.Л. «Человек и мир» (М., 1973), Гуссерль Э. «Начало геометрии» (М., 1996), Хайдеггер М. «Работы и размышления разных лет» (М., 1993), Кронгауз М.А. «Семантика» (М., 2001), Анкерсмит Ф. «Нарративная логика: Семантический анализ языка историков» (М., 2003), Потебня А.А. «Слово и миф» (М., 1989), Выготский Л.С. «Психология развития человека» (М., 2004), Пирс Ч. «Избранные философские произведения» (М., 2000), Деррида Ж. «Письмо и различие» (СПб., 2000), Барт Р. «Мифологии» (М., 1996). С большой осторожно-

¹³ Тихомиров. 1940; Никитин. 1940; Источниковедение: Теория. История. Метод...

¹⁴ Медушевская. 2000 (в). С. 19-67.

стью я бы предположила, что ссылки в книге «Теория и методология когнитивной истории», как и во многих других работах Медушевской, не только не являются надежным средством экспликации интеллектуальных источников концепции когнитивной истории, но даже не маркируют ее познавательное пространство.

Изучение латентных (возможно, скрытых и от самого историка) источников концепции требует, на мой взгляд, разработки весьма тонкого исследовательского инструментария, поиск которого возможен, в том числе, в предметном поле источниковедения историографии – весьма актуальной, но слабо разработанной отрасли научного исторического знания. В соответствии с источниковедческой концепцией методологии истории существенное значение имеет видовая характеристика историографического источника, чему, на мой взгляд, историографы, работающие в предметном поле источниковедения историографии, не уделяют должного внимания. При этом хорошо разработанный в источниковедении видовой подход к изучению исторического источника не просто продуктивен для изучения источников историографических, без учета видовой специфики историографического источника невозможен, по моему глубокому убеждению, корректный результат историографического исследования. Это относится и к выявлению интеллектуальных источников концепции историка. Для историографа-источниковеда очевидно различие как в источниковой базе, так и в способах обращения с источниками при написании, например, монографии или учебного пособия, научной статьи или конференционного доклада и т.д.

Рискну предположить (исключительно в качестве гипотезы для дальнейшего исследования), что творческая лаборатория Медушевской сложилась во многом в процессе работы над учебными пособиями – практически единственным на протяжении значительного периода советской истории видом историографических произведений, допускавших широкое обращение к историографическому опыту западной науки. Да и книгу «Теория и методология когнитивной истории» я не стала бы называть монографией, как это сделано в издательской аннотации, поскольку такая характеристика ведет к смещению критериев ее осмысления.

Таким образом, источниковедение историографии выводит нас на поиск строгого метода историографического исследования. Другой подход (предполагаю, что *принципиально другой*) предоставляет нам предметное поле истории идей. И здесь «бывают странные сближенья».

Разрабатывая понятие «эмпирическая реальность исторического мира» – базовое, как уже отмечалось, для концепции когнитивной исто-

рии, О.М. Медушевская акцентирует внимание на творческой природе человека, на том, что «человеческая деятельность воплощает себя в окружающем мире, создавая интеллектуальные продукты»¹⁵. Анализ природы человека у Медушевской переключается – парадоксальным и не замеченным самим автором образом – с идеями Маркса, чья известная теория отчуждения труда является частным, применимым к капитализму, случаем антропологической концепции, наиболее полно зафиксированной в «Экономико-философских рукописях 1844 года». Суть человека, по Марксу, в объективации себя вовне: «Практическое созидание предметного мира, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существ...»¹⁶. Впрочем, эта «история идеи» явно нуждается в дополнительных обоснованиях.

Третий вопрос. Субъект исторического познания в концепции когнитивной истории

Вопрос о субъекте исторического познания является принципиально важным для современной гуманитаристики, поскольку синтезирует этическую и эпистемологическую составляющие научного знания.

Современный исследователь истории науки, а тем более – науки исторической, не может не учитывать роль субъекта в процессе познания. Позволю себе набросать здесь примитивную схему, чтобы четче обозначить предмет рефлексии¹⁷. Достаточно ясно, что классическая модель науки сосредоточена на объекте познания, рассматривая субъект как абстракцию, если хотите – как «чистый разум». Неклассическая наука ставит проблему субъектно-объектных отношений и предлагает варианты ее решения – начиная с позитивизма, в котором этот вопрос практически не проблематизирован, и до концепций «исторического разума» и «описательной психологии» как метода его понимания В. Дильтея, в которых эта проблема выступает как основная. Еще большего внимания субъект познания требует в постнеклассической науке, предполагающей конструирующую роль познающего субъекта. Разработанная О.М. Медушевской концепция когнитивной истории, несомненно, принадлежит неоклассической модели науки, применительно к которой проблема субъекта, насколько я могу судить, разработана слабо. По-видимому, Ольга Михайловна не могла не рассуждать на эти темы, но проблема субъекта применительно к неоклассической модели рациональности ею специально не рассматривается.

¹⁵ Медушевская. 2008 (в). С. 24.

¹⁶ Маркс. 2000. С. 233.

¹⁷ См.: Степин. 2003. С. 619-636; Микешина. 2005. С. 212-213; Лубский. 2005.

Подступиться к решению этой «загадки» научного творчества О.М. Медушевской можно отталкиваясь от высказанного в ходе дискуссии Н.А. Мининковым утверждения о том, что работа историка зависит от «интеллектуальных и исследовательских качеств самого историка», но я бы добавила – и от его морально-этических установок. Я абсолютно убеждена, что у порядочного (этическая характеристика) и достаточно профессионального («гносеологическая» характеристика) человека этика и гносеология не могут не то что противоречить друг другу, а сколько-нибудь заметно расходиться. Почерпнутая в феноменологии Э. Гуссерля идея «строгой науки», стала, как мне представляется, для Ольги Михайловны не только гносеологической, но и этической. Она, вслед за Гуссерлем, искала пути достижения строгого знания и преодоления исследовательского субъективизма, если не сказать – произвола.

Именно поэтому она писала о *противоборстве* нарративной логики историописания и истории как строгой науки. Излишне говорить, что О.М. Медушевская последовательно и активно выступала в этом противоборстве на стороне строгой науки. Ее вклад в эту борьбу, в первую очередь, – обоснование новой образовательной модели¹⁸, которая, по видимому, может быть востребована в случае, если в основу образования будет заложена неоклассическая модель рациональности, отвечающая актуальным потребностям социума.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Введенский А.И.* О пределах и признаках одушевления: Новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892. 119 с.
- Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков // Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения. URL: http://ivid.ucoz.ru/publ/anonsy_npsh/lappo_150/14-1-0-136.
- Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с. Перизд.: 2000, 2004.
- Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.* Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской : [ст. и материалы] / отв. ред. М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков. М.: РГГУ, 2011. С. 9-36.
- Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской : [ст. и материалы] / отв. ред. М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков. М.: РГГУ, 2011. 498 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории: [в 2 т.]. М.: РОССПЭН, 2010.
- Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. 352 с.

---

¹⁸ *Медушевская.* 2008 (в). Гл. 5: Историческое образование в условиях смены парадигм. С. 288-330.

- Маркс К. Социология. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 432 с.
- Медушевская О.М. История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. М., 2008(а). № 4. С. 17-30.
- Медушевская О.М. История науки как динамический процесс. К 120-летию со дня рождения А.И. Андреева // Там же. 2008 (б). С. 312-328.
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008 (в). 358 с.
- Медушевская О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М., 2008 (г). [Ч. 1]. С. 24-34.
- Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособ. М.: Прогресс-традиция; Московский психолого-социальн. институт; Флинта, 2005. 464 с.
- Мининков Н.А. «История историка» в концепции когнитивной истории О.М. Медушевской // Источниковедение.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ivid.uscoz.ru/publ/medushevskaja_90/om_mininkov/15-1-0-113, свободный.
- Никитин С.А. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов). М.: Соцэкгиз, 1940. 227 с. (Курс источниковедения истории СССР / Ред. Ю.В. Готье; Т. 2).
- Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 129-204.
- Румянцева М.Ф. Концепт «признание чужой одушевленности» в русской версии неокантианства // Cogito: альманах истории идей. Ростов н/Д.: Логос, 2007. Вып. 2. С. 35-54.
- Румянцева М.Ф. Рец. на кн. : Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории М.Ф. Румянцева / О.М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с. // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. М., 2009. № 4. С. 294-299.
- Румянцева М.Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2012 Т. 154. Кн. 1. С. 130-141.
- Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
- Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Соцэкгиз, 1940. 256 с. (Курс источниковедения истории СССР / ред. Ю.В. Готье; Т. 1).

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной истории НИУ «Высшая школа экономики»; mf-r@yandex.ru